

К 120-летию с дня рождения В. Катаева

Валентина Голубовская

Поезд с белой табличкой «Одесса»...

Уже тридцать лет как умер Валентин Петрович Катаев, а интерес к нему не пропадает. И о его книгах, и о нем пишут. Только за последний год (может, два) вышло три книги. Книгу С. Мнацканяна даже не видели. Не все доходит до нашей «глухой провинции у моря». Привезли нам книгу автора, фамилию забыла, прочитав которую, сразу вспомнилось из Достоевского: «Как можно жить с фамилией Фердыщенко?». Ну да, бог с ней, с фамилией. Уж какая досталась. Но с названия – беспардонного – и с первых же страниц такая нескрываемая тенденциозность, что книгу, дальше не читая, отложила.

Но с огромным интересом прочла книгу Сергея Шаргунова «Катаев: погоня за вечной весной» в серии ЖЗЛ.

В предисловии к книге автор пишет: «Исследуя судьбу Катаева, я пытался почувствовать и вернуть воздух и вихрь времени, главные события русского 20 века».

На мой, читательский, взгляд, ему, Сергею Шаргунову, это удалось.

Я ничего из написанного этим автором прежде не читала. Поэтому не испытывала никаких дополнительных эмоций, навеянных прошлыми впечатлениями от его текстов.

Делюсь своими впечатлениями, ассоциациями, навеянными этой книгой.

...Катаев пришел ко мне, как и ко многим моим сверстникам, в раннем детстве. На книжной полке у нас среди других книг стоял «Белеет парус одинокий» довоенного издания, но не первого с флажками расцвечивания – «Порт Онфлер» А. Марке, а просто – белый парус на голубом фоне.

Сергей Шаргунов пишет о «Белом парусе...»: «Да, конечно, сюжет идейно выверен, закручен вихрем 1905 года. ...И все-таки есть что-то сильнее сюжета, страстно-лихого, порой до гротескности мультипликационного, с чудесными победами: то прыжок за борт, то взрыв стены (катаевская тема – преодоление тюремных стен). Не заслоняет ли все сладкий пейзаж: таинственное море с парусом?...».

Я не перечитываю любимые книги детства, чтобы сохранить в памяти их очарование, восторг, смех и слезы, пролитые над ними.

«Белеет парус...» до сих пор помню, кажется, наизусть. Уже гораздо позже, став взрослой, я поняла, почему мне была так дорога именно эта книга. В ней был, наверное, сладкий «узнавания миг». Будничные реалии неизбалованного послевоенного детства преобразались страницами книги.

В квартале от нашего дома на Гимназической красивое здание, в высоких окнах которого видны были пугавшие меня скелеты животных. Это был анатомический кабинет сельхозинститута. Кто-то из взрослых сказал: «Когда-то это была 5-я гимназия». О, рядом с нами! Наша тихая улочка в три квартала на старых картах называлась Безымянным переулком, пока в конце 19 века не построили здание гимназии. Так она и стала Гимназической, хоть не раз в 20-м веке меняла название. И мы радовались, что сохранилась на угловом доме, напротив бывшей гимназии (дом Галюзмана – деда Виктора Корченова), синяя эмалированная табличка – Гимназическая. И Куликовое поле, еще не ставшее таким страшным символом в нынешние дни, тоже рядом. И аптека на углу Канатной и Базарной, мимо которой проезжали Петя с Павликом и отцом, возвращаясь из Аккермана. «Сбегай на Канатную, в аптеку. Купи цитрамон (аспирин и т. п.)». Бегала, но со страхом: в аптеке стоял на прилавке стеклянный шар с водой, в которой змеились черные пиявки. Аптека еще недавно работала. Теперь стоит опустевшее одноэтажное здание с биографией. Явно под снос. А Ближние Мельницы в детстве казались краем света.

Надкусанные Павликом пряники на рождественской елке – мне это очень нравилось. Я однажды с гордостью сказала: «У нас на елке все пряники надкусанные». Начитанная одноклассница поймала меня на вранье: «Это не у вас, это в «Белеет парус одинокий»!».

Так много еще сохранялось в послевоенной Одессе реалий из книги Катаева – от возгласов в одесских дворах «Паяем, починаем!» и «Дыр-дыра!» до слюдяных дорожек, прокладываемых равликампавликами, как на заборе дачи Маразли на Французском бульваре. И «Жили-были три китайца...» сохранилось до наших детей и внуков.

Вот эта удивительная достоверность каждого предмета, цвета, оттенка, запаха, звука воспринималась в детстве не рационально, а интуитивно, чувственно.

Я прочла далеко не всего Катаева, что-то даже из прочитанного, написанного после «Паруса» в 40-50-е годы, забылось, следа не оставило. Кроме одного рассказа 1946 года, «Отче наш».

Одесса, оккупация, мама с мальчиком совершает круги по зимней выморочной Одессе. В поисках укрытия. Но нет для них ни укрытия, ни спасения. Последнее пристанище – скамейка в оледеневшем Александровском парке...

«...Потом солдаты раскачали и легко бросили мальчика с подогнутыми ногами. Он стукнулся о женщину, как деревянный, и даже немного подскочил.

Когда грузовик отъезжал, в рупоре уличного громкоговорителя пропел петух, возвещая начало нового дня. Затем нежный детский голос произнес с ангельскими интонациями:

– С добрым утром! С добрым утром! С добрым утром!

Потом тот же голос, не торопясь, очень проникновенно прочел по-румынски молитву господню:

– Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя твое, да приидет царствие твое»...

Сергей Шаргунов резонно, на мой взгляд, замечает: «Если бы не его новая проза, взялся бы я за эту биографию?».

С начала 60-х годов – взрыв интереса к Катаеву, к его новой прозе. Читалось все, выходящее из-под его пера. Среди знаковых, не о литературной критике речь, хоть и она читалась, реакция была разной. Кто-то смеялся, узнав в человеке-дятле прототип – Сергея Михалкова, кто-то обижался на Катаева за Мандельштама, в частности за фразу «И я хочу экутэ»... Но Катаев был среди немногих, помогавших Мандельштаму. Об этом писала Надежда Яковлевна. И Шаргунов пишет: «17 мая на единственном запротоколированном допросе Мандельштам

показал: «материальную поддержку мне оказывали братья Катаевы, Шкловский и Кирсанов»...

Упоминание Катаевым клиники дю Буше (в старых справочниках «Вся Одесса» фамилия знаменитого врача писалась Дю-Бюше) не прошло незамеченным. В 60-е годы на чердаке клиники нашли пачки ленинской газеты «Искра». Сколько было статей об этом! Для библиофилов клиника Чарльза дю Буше оказалась связанной с русской поэзией. В дочь доктора Елену был безответно влюблен Николай Гумилев. Ей посвящен цикл стихов «К синей звезде», вышедший отдельным сборником в 1923 году, после гибели поэта.

В Отраду, мимо клиники дю Буше, сворачивая с Ясной на Уютную, проходя мимо дома Евгения Ермиловича Запорожченко – Женьки Дубастого, – мы полвека ходили в любимый дом-друзей – Сергея Зеноновича и Галины Григорьевны Луциков. Это осталось с нами навсегда.

Может быть, таких благодарных читателей, как одесситы, у Катаева не было, хоть было их у него великое множество. И таких знатоков всех одесских реалий. Поэтому в книге С. Шаргунова С.З. Луцик не раз с благодарностью упоминается. В книге много упоминаний одесситов, которые либо встречались с В. Катаевым, как Аркадий Львов, либо писали о Катаеве и встречались с ним, как Александр Розенбойм, либо, как Семен Лившин, написавший пародию «Алмазный мой кроссворд». И Олег Губарь. «Одесский краевед (краеведов Губарь зовет «короедами». – В. Г.) Олег Губарь, – пишет С. Шаргунов, – нашел фольклорные стихи 1920-х годов «Бунт в Одесской тюрьме»:

Раз в ЧК пришел малютка,
Стал он плакать и рыдать:
«У меня дела не шутка,
Я ишу отца и мать»...

и т. д.

Олег Иосифович – исследователь, историк и знаток Одессы с момента ее основания, пушкинской поры, Одессы времен ее расцвета в 19-м веке. Кажется, не только со всеми знаменитыми персонами был знаком, мог бы раскланиваться с ними, попади волшебным путем в ту Одессу, знал, кто чем владел, какого рода-племени был... Просвещенные одесситы это знают.

Пожалуй, первым откликом из Одессы на вышедший в 1982 году «Юношеский роман» В. Катаева была публикация в журнале «Юность» в 1986 году.

Это, конечно же, очень одесская и очень лирическая книга. Первая мировая война, фронтовые переживания и госпиталь, но, прежде всего, любовь.

Этот роман можно было бы считать документальным, ведь построен он на подлинных письмах и стихах, которые Ирэн Алексинская, прототип Миньоны, отдала Валентину Катаеву (по роману – Саше Пчелкину) в начале 20-х годов. А может, это литературный прием? Может, письма, составляющие книгу, написаны в 1981 году?

Но вот статья Евгения Голубовского и Анатолия Дроздовского «Юношеский роман» (Письма Валентина Катаева с фронта первой мировой войны, не вошедшие в книгу), опубликованная в журнале «Юность» в сентябре 1986 года. Она была послана в журнал при жизни писателя, в декабре 1985 года, а напечатана была через пять месяцев после его кончины. Несколько писем, сохранившихся в доме на Пироговской, 3, где жили и Алексинские, и Катаевы, не отданные в двадцатых. Они заполняют пробелы в этом документальном (подчеркиваю) романе.

Влюбленностей у Катаева в те годы было много, переписывался он и с сестрами Шамраевскими, и с Зоей Корбул.

Но вот отрывок новонайденного письма в стихах:

Ирэн, я видел вас во сне
И нынче полон только вами,
Как хорошо, как славно мне
Писать о вас, Ирэн, стихами!

В 1927 году 27-летняя Ирина Алексинская умерла от туберкулеза. И какое-то мистическое соединение с Катаевым. Она была похоронена на Втором кладбище, в ограде, рядом с родителями Валентина Катаева.

Может, напрасно Сергей Шаргунов постоянно подчеркивает, что Алексинская была генеральской дочкой. Влюбленность не признает сословных рангов. А смерть уравнивает всех.

Позже появилась публикация в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» Евы Красновой и Анатолия Дроздовского «Весен-

ние» юношеские стихи В.П. Катаева». И книга Алены Яворской «Влюбленный Валентин». И другие публикации.

Я говорю по телефону с Милой, женой (рука не поднимается написать – вдовой) Александра Розенбойма, и рассказываю, что читаю книгу о Катаеве, где много упоминаний о Саше. В частности, мне нравится сюжет, в котором Саша спрашивает Валентина Катаева о его самой первой жене Людмиле Гершуни, брак с которой длился всего восемь месяцев: «...тот вскинулся: «Откуда вы знаете?!». Милочка тут же мне отвечает: «Гершуни покончила с собой». Что значит быть столько лет женой Александра Юльевича! Я ведь ей не сказала, что у Шаргунова написано: «Лущик и Розенбойм утверждали: «После разрыва с Катаевым она покончила с собой...».

«Катаев никому не говорил о Людмиле, – пишет Шаргунов и через несколько строчек добавляет: – Об этом браке дети Катаева услышали от меня...».

Печально. Эту книгу уже не прочтут Лущик и Розенбойм. Сколько часов прошло бы в разговорах о ней, добавленных ими подробностях, деталях и прочего интересного...

Когда вышел «Алмазный мой венец», не раз спрашивали: «Кто такой «эскес»? Первым назвал настоящее имя – Семен Кесельман – Сергей Лущик. У него хранился архив Кесельмана. Несколько лет назад был издан сборник стихов и рисунков Семена Кесельмана, хранившихся в этом архиве, – «Стеклянные сны».

Один эпизод, о котором пишет автор книги, ссылаясь на Сашу Розенбойма, – последний приезд В.П. Катаева в Одессу. Это был апрель 1974 года, Валентин Катаев с женой приехали в Одессу 8 апреля – их официально пригласили власти на тридцатилетие освобождения Одессы от оккупантов. На 10 апреля. Я хорошо помню этот приезд по Жениному рассказу.

Голубовский поехал на вокзал, к поезду, чтобы попросить Катаева об интервью для «Вечерней Одессы». Я с нетерпением ждала Жениного возвращения. Кроме Жени был кто-то из Одесского отделения Союза писателей и какой-то чиновник из горсовета. Чиновник сообщил Катаеву, что жить с женой он будет не в «Лондонской», а в «Черном море». Катаев расстроился. Женя говорит, когда приезжает какой-нибудь чиновник из Киева, все стоят на цырлах, живет он либо в «Лондонской», либо в «Красной».

Разве этот клерк понимает, что такое «Лондонская» для Катаева?! Это память о прежней Одессе, о друзьях... Это символ!

В гостинице долго продолжалось оформление. Катаев заполнил карточку свою, затем жены. Нервничал. Разговаривать в такой обстановке было нелепо. Хоть перебросились несколькими фразами по дороге.

И все же Валентин Петрович на интервью согласился, но назначил встречу на следующее утро в гостинице. Когда в назначенный час Женя появился в гостинице «Черное море», администратор сказала: «Катаевы сегодня утром улетели в Москву». Голубовский ей в ответ: «Очень жаль!».

Потом, постояв еще минуту, говорит: «У вас остались регистрационные карточки Катаевых. Они вам не нужны, а мне они нужны для работы». Дама за стойкой протянула эти две карточки. Так и остался у нас этот автограф Валентина Катаева.

Когда был прочитан «Вертер...», невольно вспомнился катаевский «Отец», написанный и напечатанный в 20-е годы. Шесть месяцев, проведенные в ЧК, в тюрьме, в ежедневном и еженощном ожидании расстрела – такое остается в памяти, в подкорке на всю жизнь.

Не случайно судьба Виктора Федорова, сына писателя Александра Митрофановича Федорова, к которому на Дачу Ковалевского, к Бунину, ходил юный Катаев, была ему так близка. Сергей Зенонович Лущик показывал нам хранившиеся у него рисунки Вити Федорова (из архива писателя Сергея Бондарина, солагерника Федорова), сделанные на невзрачной серой бумаге в лагере. «Реальный комментарий...» к «Вертеру...» С.З. Лущика будет написан несколько позже, тираж тут же разойдется и станет библиографической редкостью.

В разговоре о детских воспоминаниях с литературоведом Борисом Галановым, также родившимся в Одессе, Катаев признавался: «Я могу побрехивать как беллетрист, но в подробностях всегда точен».

О волшебной точности и любви к деталям у Катаева Сергей Шаргунов пишет много и с явным удовольствием. Признаюсь, детали, вкусно выписанные, я часто запоминаю лучше, чем какие-то важные рассуждения.

Вот С. Шаргунов цитирует сына писателя – Павла Валентиновича: «...Отец был строен, моложав, обрызган английской туалетной водой «Аткинсон» из большого квадратного флакона».

Невольно вспоминается из «Разбитой жизни...» – «...источавшей тонкий запах специальных мужских аткинсоновских духов...». Я сравнительно недавно в комментариях к «Разбитой жизни...» даже цитировала Андрея Белого:

В волнах летаю котильона,
Вдыхая запах «poudre Simon»,
Влюбляясь в розы Аткинсона...

Помню, смеялась до слез, когда учитель физики в 5-й гимназии по кличке Бурис ставил опыт превращения твердого тела в жидкость. Приносил в класс твердое тело – лед. Постепенно твердое тело превращалась в жидкость – воду. Бурис – реальный человек. Борис Тимофеевич Акацапов жил в Стурдзовском переулке, 2. Думаю, ходил пешком и в 5-ю мужскую гимназию, и на Екатерининскую площадь, 7, в женскую гимназию Ю.А. Соловей. Жалованье преподавателя и тогда было не слишком большим. Как и отцу Валентина Катаева, и многим другим, приходилось работать не в одном учебном заведении. Почасовики, сказали бы теперь.

В те времена больше ходили пешком. Юрий Олеша описал свой маршрут – с Карантинной в Ришельевскую гимназию – по Греческой, свернув на Ришельевскую до Дерибасовской, по Дерибасовской, мимо магазина Баржанского, до Соборной площади и по Садовой до Торговой, до гимназии. Семен Липкин вспоминал, как «путешествовал» с Пушкинской на Дальницкую к Багрицкому – не близкий свет... Еще дальше, к Бунину на Дачу Ковалевского, ходил и сам Валентин Катаев.

Для меня настоящий Катаев начался повестью «Отец», где сын и отец носят фамилию Синайский (подобные фамилии давали часто семинаристам), а завершился публикацией в январе 1986 года повести «Сухой лиман» в «Новом мире». Через три месяца Валентин Петрович Катаев ушел навсегда, надеюсь, в вечную весну.

Прочитав ее тридцать лет назад, больше к ней не возвращалась. Тем интереснее мне было читать главу о «Сухом лимане». Первоначальное название повести «Ветка Палестины» было отвергнуто, пишет Шаргунов, журналом. Другой вариант названия – «Икона ликом вниз» – тоже был не принят редакцией.

«В 1960-е годы, – пишет С. Шаргунов, – «бывший мальчик Саша», пожилой членкор Академии наук (в котором угадывается автор), приехал в город детства Одессу и отправился в военный госпиталь навестить двоюродного брата, военного врача в отставке.

За братом, «бывшим мальчиком Мишей», проступает двоюродный брат Валентина Петровича Александр Николаевич Катаев».

Это тот Саша, с которым в детстве играл Валя Катаев «в боборыкина», перевернув вверх дном тонетовскую качалку (в «Разбитой жизни...»). В повести – двоюродные братья Синайские.

Госпиталь на Пироговской, мавританская арка на Французском бульваре. Воспоминания о детстве, о «запахе церковного ладана», которым пропитались «с младых ногтей». Последняя фраза в повести – «Сухой лиман они называли Генисаретским озером».

«Последняя проза. Предсмертная», – пишет Сергей Шаргунов и через три страницы в этой главе продолжает:

«Откликаясь на повесть, в эмигрантском журнале «Грани» из нью-йоркской больницы 81-летняя фольклорист и литературовед Елена Тудоровская в своей предсмертной рецензии восклицала: «Даже удивительно, как опубликовали в советской печати это своеобразное произведение», – и обозначала «крепкую связь с самым духом христианства», как хлеб, важнейшую в повести: «Страницы насыщены символикой Церкви, символикой христианства... Члены семьи называли Сухой лиман, где они жили летом, Генисаретским озером. Значит, они сами сравнивали себя с последователями Христа... Не имеет ли в виду В. Катаев и себя в качестве Ученика?»

Я послала этот отрывок с цитатой из рецензии Нине Аловерт, дочери Елены Александровны Тудоровской. Вот отрывок и ответного письма Нины:

«Да, Вадимов просил маму написать рецензию на эту книгу, она вышла уже после смерти мамы. Мама редактировала свою рецензию, уже умирая в больнице. Когда я привезла ее в больницу, ее поместили в реанимационное отделение, прикрепили трубочки и провода, и мама сказала: «А теперь привези мне бумагу, ручки и черновики статей. Не буду же я лежать просто так».

Две замечательные женщины – мать и дочь!

Когда в недавнем пылу декоммунизации менялись названия улиц и городов, Ильичевск, выросший на Сухом лимане, переименовали в Черноморск. Невольно пронеслось в голове «Черноморск будет вольным городом!». Так мелькнула тень Великого комбинатора, его создателей – И. Ильфа и Е. Петрова, и подарившего им этот образ Валентина Катаева.

Об Одессе часто пишут, говорят как о городе веселом. Но в лучших, самых значительных произведениях Катаева столько трагической истории, трагических событий в истории Одессы на протяжении 20 века. Сергей Шаргунов пишет: «Катаев часто повторял: война убила его веру». Только ли война?..

Два квадрата – от Преображенской к морю и от Преображенской, под углом к ней, другой квадрат. Так на карте выглядит исторический центр Одессы с ясным и четким пересечением улиц, окруженный первой чертой порто-франко. А за ней с одной стороны – «степь нагая», с другой – море с божественной в своей безупречности линией горизонта.

Волшебный круг «Одесской квадратуры».

Каждый день, вырываясь из леса,
Как любовник в назначенный час,
Поезд с белой табличкой «Одесса»
Пробегают, шумя, мимо нас.

Пыль за ним завивается душно,
Стонут рельсы, от счастья звеня,
И глядят ему вслед равнодушно
Все прохожие, кроме меня...

Валентин Катаев. 1944 год

